Автор: nikitin
10.10.2012 02:04 - Обновлено 27.02.2013 01:07

Сергей Никитин о себе

Мама

Мама в молодости

Мои родители приехали в Москву в 1930 или 1931 г. из деревни Витич Севского р-на Брянской области. Мой дед, мамин отец Сергей Кузьмич, к тому времени уже обосновался в столице. Он работал столяром краснодеревщиком, был мастером высокого класса - делал мебель и другие тонкие столярные работы. Это был его отхожий промысел. Он задержался в Москве и умные люди ему подсказали, что в деревню возвращаться опасно, там «начинаются всякие безобразия», в смысле коллективизации, и станет плохо тем крестьянам, которые хорошо работают и живут зажиточно, благодаря заработкам. (У деда в семье была жена и 4 дочери, иногда семья спасалась от голода, собирая все съедобные травы, которые можно было найти поблизости.) А папа уже был комсомольским активистом, кажется, председателем сельсовета, и ему неминуемо грозило возглавить кампанию по раскулачиванию со стороны советской власти прямо в своей деревне. Вот и его тоже надоумили тикать из Витич в город. И отец один рванул в Москву. У них с мамой тогда родилась первая дочка, мама дорастила ее до девяти месяцев, оставила ребенка своей маме и поехала вслед за отцом. Но девочка вскоре заболела и без всяких лекарств в деревне умерла, что оставило в душе мамы незаживающую рану на всю жизнь. Старшая моя сестра Клара родилась уже в Москве в 1933 г.

С самого начала жизни в Москве мама поступила работать на Шарикоподшипниковый завод. Сначала была разнорабочей, потом выбилась в курьеры, приоделась по моде тех времен. Я не знаю точно, когда она ушла с завода, но ясно, что страх, оставшийся от смерти первой девочки, сильно угнетал ее и вскоре после того, как родилась Клара, она оставила работу. С Милочкой, которая родилась в 1939г., все было уже проще. Отец тогда служил в Калмыкии, там и застала их война. Но сразу с началом войны отца вернули в Москву, и мама под бомбами с двумя детьми смогла позже добраться до него.

По сути, всю жизнь мама была домашней хозяйкой. У нее было трое детей, дом, муж, который очень рано после инфаркта стал инвалидом, и мама всем нам преданно служила.

Я очень хорошо помню ощущение праздника. Перед 7 ноября, 1 мая, Новым годом в доме наводился порядок - наши паркетные полы мыли, драили до белизны кирпичем и пемзой. Получался свежескобленный деревянный пол, как в деревенской горнице, потом уже наносилась мастика, и полы натирались. Когда я подрос, это была моя обязанность. Я любил орудовать с щеткой на ноге, этот процесс предвещал праздник. В это время с кухни уже обычно доносился запах пирогов. Если делалась маковая начинка, мак с сахаром пропускали через мясорубку, можно было украсть пару ложек этой сладчайшей начинки. Это было святым делом. А тут уже в духовке подходили пирожки с капустой

или мясом. Мама их смазывала яйцом, пользуясь большим гусиным пером, и они становились румяными. Для нас эти запахи пирогов навсегда связались с чувством мамы.

Она была человеком решительным. Помню, как-то я раз подрался во дворе с мальчиком, мы оба упали, он ударился об угол песочницы и разбил голову. Полилась кровь. Тогда мама раненного ребенка не придумала ничего лучшего, как привести его к нам, чтобы пожаловаться на меня и выяснить отношения на повышенных тонах. Но моя мама, как только увидела разбитую голову, не отвечая на крики и не говоря ни слова, немедленно занялась первой помощью, начала обрабатывать рану, бинтовать голову, не тратя силы на ненужные выяснения отношений. Если надо было действовать, мама действовала. И мы чувствовали себя надежно и защищено.

Мы, конечно, не понимали, что когда умер в 1956 году отец, мама была молодой, ей было только 43 года. Смерть папы ее сломала, она практически слегла, и год была в глубочайшей депрессии. Нами занималась бабушка Мавра Ивановна. Мы все вместе старались помочь маме выйти из этого состояния. Милочка и я хорошо учились в школе, старались ее не огорчать. Но постепенно мама стала подниматься. Надо было нас растить, кормить, одевать, одним словом, жизнь заставила. Прошло года два, и однажды в доме появился земляк, который, оказывается, был влюблен в маму с молодости, и приехал, наверное, свататься. Он ходил по квартире в майке, и нас это страшно раздражало. Мы с Милочкой взбунтовались, ушли из дома и сделали все, чтобы он исчез из поля зрения. Может, и у самой мамы не было никаких серьезных мыслей, но мы пресекли даже теоретическую возможность думать на эту тему.

У Клары незадолго до смерти папы родился сын Сережа, и мама его уже нянчила. Я очень гордился, что стал дядей в 9 лет. Сереженька жил у нас, его родители учились в институтах. Поэтому я с мамой растил мальчика, бегал на детскую кухню за молочком. Тогда у меня и появились педагогические наклонности. Потом у мамы пошли другие внуки: Миша, Оля. Для Олечки, Милиной дочки, я сочинил первые детские песенки. Я тогда уже был студентом МГУ. В журнале «Юность» появилась подборка стихов Юнны Мориц, и так появилась песенка «Про пони», «Это очень интересно». Потом уже мама занималась и нашим сыном Сашей. И так моя мама плавно от мамы перешла в разряд бабушки. А для нас это было все естественно...